ства пропаганды. Все это не могло не отразиться на характере этой литературы. Ее значение возрастало, она становилась весьма ответственным делом, от постановки которого зависел успех церковной пропаганды против «невегласей», которые попросту считали ложью святость и чудотворность реликвий. Теперь было недостаточно просто прокламировать чудеса, как это делал Нестор, — теперь они ставились на суд народа и, как на суде, требовалось выставлять «послухов» и «видоков» этих чудес. Нужно было всемерно обосновывать реальность чудесных событий, доказывать их с привлечением точных фактов и дат, ссылаться на очевидцев и свидетелей, называя их имена и указывая место жительства. Этим выдвинутым самой жизнью, нарастающей классовой борьбой горожан и крестьянства требованиям, конечно, никак не удовлетворяли ни великолепное и утонченное «Слово» митрополита Илариона, ни тем более отвлеченное и лишенное конкретности, но обильное пустыми цветами церковного красноречия «Чтение» Нестора.

Эти новые условия накладывают свой властный отпечаток на развитие психологии общества вообще и характер литературы в целом, в ней начинают звучать явно слышимые ноты реализма. Они звучат в летописном труде мудрого Никона, вводящего в повествование хронологическую канву и обогащающего запас исторических сведений широким привлечением разнообразных источников; они сказываются в Начальном своде и в «Поучении» Мономаха. Сами церковники проявляют явное стремление подвести прочный эмпирический фундамент под свою пропаганду, собрать факты, подтверждающие создаваемые ими чудеса и мифы. В этой связи следует подробнее остановиться на существенном для нашей темы выдающемся памятнике — «Житьи и хоженьи Данила, Русьскыя земли игумена».

Игумен одного из черниговских монастырей Даниил совершил свое путешествие в Палестину в 1106—1108 гг. и составил свое «Хождение» до 1113 г.[46] Добротный русский человек практического ума и пытливой мысли, горячо любящий родину, по-деловому дорожащий представляемой им религией, Даниил сам ясно формулирует основную задачу предпринятого им трудного и опасного путешествия: собрать документальный материал о действительности библейских и евангельских легенд и дать точное и объективное описание виденного.

Его путешествие было, по-видимому, хорошо обеспечено, хотя он и говорит уничиженно, что он путешествовал, «имея в руку моею худаго моего добыточка», т. е. на скромные собственные средства.[47] Однако далее он сообщает, что смог нанять в лавре Саввы ученого старого монаха, послужившего ему гидом по святым местам — Палестина представляла собой тогда своеобразный, хорошо организованный музей, документировавший многочисленными объектами библейско-евангельскую мифологию. Далее, Даниил смог дать «нечто мало» ключарю гроба господня, чтобы попасть туда одному, смерить «собою» (т. е. своим ростом) гроб господень и отломить от него, под клятвой сохранить это втайне, кусочек; конечно, это стоило крупной взятки.[48] Наконец, Даниил смог «отпеть» 90 литургий за живых и мертвых князей и всех христиан, а также записать в синодик лавры святого Саввы и других мест русских князей — Святополка, Владимира Мономаха, Давида и Олега Святославичей и Глеба Минского, «опроче всех князь русскых и о болярех».[49] Все эти вещи стоили очень дорого. Можно, следовательно, думать, что путешествие Даниила было хорошо обеспечено

[46] История русской литературы, т. I, стр. 366.
[47] Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена СПб, 1885, стр. 4.
[48] Житье и хоженье..., стр. 138—139.
[49] Житье и хоженье..., стр. 140—141.